

ГОРБАТОВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ

доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры прикладной социальной психологии и конфликтологии
Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,
gorbatov.rus@gmail.com

DMITRIY GORBATOV

D.Sc. (Psychology), Assoc. Prof., Prof., Department of Applied Social Psychology and Conflictology,
St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

УДК 316.62

ФУНКЦИИ СЛУХОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ

FUNCTIONS OF RUMORS IN SOCIAL ENVIRONMENT

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется содержание социальных функций слухов. В частности, речь идет о функциях осмысления ситуации, обеспечения психологической защиты, восстановления субъективного контроля, развлечения, самоутверждения распространителей, влияния и социального объединения индивидов. Внимание уделено также содержанию информирующей функции, функций уменьшения неопределенности, изменения уровня тревоги, антиципации, регуляции поведения и эмоционального состояния, адаптации.

ABSTRACT. The article analyzes the content of social functions of rumors. In particular, functions of understanding the situation, provision of psychological protection, restoration of subjective control, entertainment, self-affirmation of distributors, influence and social association of individuals are described. Functions of information, reduction of uncertainty, changing the level of anxiety, anticipation, regulation of behavior and emotional state, adaptation are discussed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: неподтвержденные сообщения, слухи, функциональность существования слухов, социальные функции слухов.

KEY WORDS: unconfirmed messages, rumors, functionality of rumors existence, social functions of rumors.

При рассмотрении функционального потенциала слухов обычно используют два подхода, которые с определенной долей условности можно обозначить как описательный и классификационный. Имеется в виду следующее: одни исследователи ограничиваются составлением перечня функций (перечисление с соответствующей расшифровкой), другие считают, что содержимое этого списка поддается группированию по тем или иным теоретическим основаниям. Оба подхода уязвимы для критики. Если кто-то характеризует функции по отдельности, то оппоненты всегда могут упрекнуть его в том, что созданный перечень нуждается в дополнении. А поскольку анализируемый феномен сложен и разнообразен по проявлениям, такое замечание скорее всего окажется справедливым. Если же пойти по пути классификации, то можно столкнуться с риском быть «уличенным» в выборе неподходящих критериев или недостаточном соответствии им выделенных категорий.

До настоящего времени подход, предполагающий группирование функций, не успел получить должной реализации. Однако некоторые изыскания, предпринятые в этом направлении, представлены

все же в научной литературе. Кратко проанализируем их содержание.

Ряд исследователей выделяет функции, специфичные для слухов в конкретных сферах — социальных конфликтах, толпе, деятельности организаций и т. д. При этом между ними обнаруживается так мало общего, что интеграция уже выявленных функций в рамках единой теоретической конструкции представляется проблематичной: речь как будто бы идет о совершенно различных вещах, а не об одном и том же в разных условиях. Тем не менее такой вариант решения проблемы имеет право на существование, но только после того как будет достигнут консенсус относительно содержания функций, характерных для данной разновидности неподтвержденных сведений в целом. В противном случае мы столкнемся с ситуацией, в которой разнообразие частных проявлений затруднит анализ потенциала слухов как особого коммуникативного феномена.

Известна и попытка разграничения двух уровней анализа функций — группового (формирование идентичности, повышение гомогенности мнений) и индивидуального (получение информации,

изменение поведения, уменьшение тревоги) [4]. Однако условность подобной трактовки очевидна: любая из функций без труда может быть сформулирована как на групповом уровне анализа, так и на индивидуальном. Проблема в том, что подлинным субъектом описываемой разновидности взаимодействия является нечто промежуточное между упомянутыми уровнями, а именно: кратковременные коммуникативные микрогруппы, состоящие из индивидов, совместно интерпретирующих полученные сообщения.

Иной уровень анализа функций может быть выделен в отношении тех, кто не включает себя в аудиторию слухов, т. е. не воспринимает ситуацию как проблемную, заслуживающую обсуждения и осмысления. Имеются в виду лица, занимающиеся «вбрасыванием» информации для манипулирования массами или выявлением общественного мнения посредством регистрации молвы. К примеру, в нацистской Германии наряду с пропагандистским ведомством Геббельса существовала служба полковника Охлендорфа, анализировавшая для высшего руководства рейха образцы молвы, собранные многочисленными осведомителями [17]. Понятно, что содержание потенциала слухов применительно к тем, кто их целенаправленно распускает или собирает, будет отличаться от того, который соотносим с обычными распространителями неподтвержденных сведений.

Следует упомянуть и об опыте соотнесения функций с теми или иными видами слухов. Так, за *слухами-желаниями* Д. В. Ольшанский [6] оставил функции поддержания тонуса социального существования и возможную деморализацию населения как следствие заведомо не исполнимых желаний; *слухи-пугала*, по его мнению, ориентированы на введение аудитории в состояние страха для нарушения стабильности общества; *агрессивные слухи* направлены на провокацию массовых насильственных действий и формирование аффективной общности людей; *нелепые* — на построение нового, более адекватного образа мира из остатков прошлых и зачатков новых представлений.

Думается, что прием закрепления за каждой из разновидностей коммуникативного феномена одной-двух функций более пригоден для иллюстрации глубины имеющихся между ними различий, чем для полноценного отражения проблемы. Достаточно заметить, что в этой классификации не упомянуты общие функции, относящиеся ко всем видам слухов без исключения. Допустимо говорить о сравнительном доминировании той или иной функции в сообщениях определенной направленности, но не более того.

Таким образом, классификация функций слухов в социальной среде представляет собой непростую задачу. В данном случае представляется целесообразным пойти по традиционному пути — ориентироваться на разработку общего перечня. Анализ научной литературы позволяет выделить семь основных функций, а именно: *осмысления создавшейся ситуации, обеспечения психологической защиты, восстановления субъективного контроля, развлечения, самоутверждения*

распространителей, влияния и социального объединения индивидов.

Рассмотрим их содержание более подробно.

Осмысление ситуации. Именно эта функция выдвигается на первый план исследователями процессов образования слухов. Г. Олпорт и Л. Постман описывали ее как «усилие ради понимания, характерное для субъектов, оказавшихся в неструктурированной ситуации» [8, р. 54]. Т. Шибутани соотносил ее с «коллективным решением проблемы», предполагающим объединение интеллектуальных ресурсов собеседников для создания интерпретации происходящего [16, р. 17]. Р. Росноу видел проявления функции в актах «публичных коммуникаций, включающих персональные гипотезы о том, как устроен мир» [15, р. 488]. Для Н. Дифонзо и П. Бордиа она связана с тем, что «в неопределенной, неясной или запутанной ситуации люди ощущают потребность в понимании, и слух обуславливает эту функцию совместного придания смысла: люди обсуждают слухи, чтобы присоединиться к групповой интерпретации собственного ситуативного контекста» [12, р. 21].

По замечанию А. Л. Журавлева [3], слухи, с одной стороны, удовлетворяют естественную социальную потребность в познании окружающего мира, с другой — сами стимулируют эту потребность. Действительно, данную разновидность коммуникации целесообразно рассматривать не только как попытку совместного понимания той проблемы, относительно которой ни у кого нет уверенности, что поодиночке каждый осмыслит ее последствия в полной мере, но и как средство создания этой реальной или воображаемой проблемы. Люди, «инфицированные» слухом, переживают очевидное беспокойство из-за того, что: а) складывающаяся ситуация может иметь непосредственное отношение к ним самим и их близким, б) наблюдают выраженную эмоциональную реакцию других коммуникаторов по тому же поводу, в) оказываются временно лишены достоверных сведений из иных источников. Таким образом, слух способствует созданию проблемной ситуации, чтобы позже стать способом ее разрешения.

При этом нет оснований считать, что процесс осмысления ситуации неизменно разворачивается на основе демонстрации собеседниками безукоризненной логики суждений и вдумчивого анализа аргументов. Так, П. Бордиа и Н. Дифонзо [11] отмечают два распространенных препятствия на пути когнитивной деятельности интерпретаторов слуха: чрезмерность переживаемой людьми тревоги и их мотив самоутверждения. Однако думается, что такого рода препятствий гораздо больше. Оставаясь в контексте проблематики функций слухов в социальной среде, выскажем предположение: чем большим становится «удельный вес» каждой функции в сравнении с остальными, тем меньшее значение приобретают ее «конкуренты» в деле распространения неподтвержденных сведений. Иначе говоря, если функция осмысления ситуации в каком-то конкретном случае получает максимальную выраженность, то следует ожидать относительно точного отражения коммуникаторами обсуждаемого

события, его причин и последствий. Когда же обозначится доминирование какой-либо другой функции, то вместо стремления к соответствию реальному положению дел будут наблюдаться иные тенденции, например, выражение посредством слухов актуальных потребностей собеседников.

Психологическая защита. Под влиянием психоанализа американские исследователи 1940-х годов отмечали в процессах образования слухов проявления ряда защитных механизмов, направленных на непровольное искажение действительности для сохранения самооценки или привычной картины мира. В частности, Ф. Олпорт и М. Лепкин [7], Р. Кнэпп [14], Г. Олпорт и Л. Постмэн [9] выделяли *проекцию* в контексте приписывания собственных неприемлемых мыслей и чувств «мишеням» слуха, *рационализацию* как оправдание и объяснение актуальных переживаний распространителей путем подбора соответствующих «аргументов», а также *смещение агрессии* на более подходящие объекты. Признавалось, что передача подобных сведений обеспечивала носителям слухов избавление от чувства вины, уменьшение фрустрации и дискомфорта из-за лишений военного времени, актуализацию переживаний групповой идентичности и солидарности членов сообщества.

Разумеется, приведенный перечень не является исчерпывающим. В беседах населения оккупированной Японии о местных корнях семьи Д. Макартура, командующего американскими войсками на Тихом океане [16], можно найти признаки *идентификации с агрессором*. В описаниях Б. Беттельхеймом [1] слухов заключенных в немецком концлагере заметны проявления *защитного фантазирования*. Для жертв «безумного мэттоунского отравителя», будто бы расплывшего неизвестный газ в окна домов [10], представляются характерными признаки *соматизации*. А, скажем, нежелание миллионов поклонников Э. Пресли принять смерть кумира получило выражение в «достоверных сведениях» о его бегстве из мира шоу-бизнеса посредством механизма *отрицания* [15].

Резонно предположить, что те многочисленные случаи, когда широкое распространение получают слухи недостоверные или даже нелепые по своему содержанию, бывают вызваны преобладанием рассматриваемой функции. Искажение реальности становится тем способом, который обеспечивает временное уменьшение уровня общей тревоги, но не решение проблем, стоящих перед сообществом.

Восстановление субъективного контроля. Предпосылкой к возникновению данной идеи стал «принцип внешнего контроля», сформулированный Л. Фестингером и его соавторами [13] в следующем виде: слухи имеют тенденцию появляться в ситуациях, в которых события, относящиеся к существованию людей, в значительной мере находятся вне их собственного влияния. С этой точки зрения, масштабные природные катаклизмы и техногенные аварии, финансовые кризисы и политические потрясения, невзгоды военного времени, закрытая от подчиненных стратегия руководства организации — все это равным образом создает

благоприятную почву для возникновения слухов, призванных вернуть чувство контроля над текущей жизнью их распространителей.

Согласно Ч. Уокеру [18], речь может идти о «первичном контроле», когда своевременно полученное известие помогает избежать опасности или организовать коллективное противодействие, и о «вторичном», позволяющем уменьшить эмоциональное воздействие происходящего посредством обсуждения наихудших из всех воображимых вариантов, обмена жалобами на судьбу, поиска «виновных», взаимной поддержки или выражения надежд на лучшее. Соответственно в первом случае имеется в виду изменение поведения на более соответствующее ситуации, а во втором — совместная ее интерпретация как оборонительная стратегия по отношению к стрессовым информационным воздействиям.

Как комментируют Н. Дифонзо и П. Бордиа [12], переживания бессилия и незащищенности после событий 11 сентября 2001 года породили среди жителей Нью-Йорка поток слухов с явно выраженными проявлениями «вторичного контроля». Так, рассказывали о счастливчике, благополучно съехавшем вниз с 80-го этажа по груде щебня при обрушении Всемирного торгового центра. В то же время многие мусульмане поверили сообщению о том, что израильские секретные службы тайно предупредили тысячи этнических евреев, работавших в башнях-близнецах, о предстоящем теракте. К этой же категории слухов следует, видимо, добавить и распространение множества антиправительственных версий конспирологического толка, лучше прочих обеспечивающих потребность аудитории в достижении когнитивного соответствия масштаба причин трагедии ее последствиям.

Развлечение. Его проявления имеют большее отношение не к слухам, а к иным видам неподтвержденных сведений — сплетням и современным легендам, создающим повод для забавного времяпровождения в силу отсутствия непосредственной причастности собеседников и их близких к обсуждаемым событиям. Тем не менее исследователи данной разновидности коммуникации нередко упоминают эту функцию в общем перечне. Думается, что для этого есть некоторые основания.

Во-первых, следует принять во внимание наличие *слухов-сенсаций*, для распространителей которых важна реализация потребности в получении ярких впечатлений от волнующих событий, восприятию необычных и интересных новостей негарантированной достоверности [2]. И в той мере, в которой сообщение пробуждает любопытство и будоражит воображение, оно, безусловно, приобретает развлекательный оттенок.

Во-вторых, несомненна зависимость выраженности данной функции от сравнительной степени правдоподобия того или иного слуха для отдельных его носителей. Одно дело, если слух передается другим как *реалистический*, субъективно вполне достоверный, и совсем другое — когда он воспринимается кем-то из очередных распространителей в качестве *фантастического*, пригодного лишь для демонстрации легковерия многочисленных

предшественников по коммуникативной сети. В этом случае его развлекательный потенциал налицо.

В-третьих, в ходе своего распространения сообщения нередко претерпевают серьезные трансформации. При этом одни детали становятся мало-значимыми или, напротив, существенными, другие совершенно исчезают из повествования, третьи приходят на их место. Разнообразные вариации содержания слухов могут повлечь за собой изменения «удельного веса» проявлений той или иной функции относительно остальных. В частности, представляется возможным появление элементов развлечения там, где их не было прежде.

Самоутверждение распространителей.

Известно, что стремление к передаче неподтвержденных сообщений бывает обусловлено осознанием необходимости укрепления позитивного образа «я», повышения личного авторитета и престижа в глазах слушателей. Владение эксклюзивными сведениями само по себе является демонстрацией доступа в «высшие сферы», кроме того, в процессе совместного обсуждения информации появляется возможность показать социальную компетентность, критичность суждений, аналитичность ума и прогностические способности.

Индивид в этом случае предстает в образе человека осведомленного и проникательного. Именно так поступали, к примеру, во вторую мировую войну некоторые американцы итальянского происхождения из числа редких по тем временам владельцев радиоприемников. Как отмечали Г. Олпорт и Л. Постман [9], желание подчеркнуть свой «привилегированный» статус в глазах окружающих побуждало их распространять пропаганду стран нацистского блока.

Самоутверждение посредством слухов часто предполагает со стороны распространителей их интенсивную переработку (пристрастный отбор информации для обоснования своей позиции и критики чужой, активацию социальных стереотипов, тенденцию к защите публично высказанных мнений и пр.). В силу этого относительно доминирование данной функции целесообразно рассматривать как предпосылку к существенному искажению содержания передаваемых сообщений.

Влияние. Многие сообщения способны кардинально изменить интенсивность и модальность переживаемых людьми чувств, привить им новые социальные установки и побудить к определенному поведению. С полным правом они описываются исследователями как средство пропаганды, инструмент психологической войны, эффективный способ дестабилизации общества.

Нередко слухи заканчиваются конкретным советом, предписанием совершить некое действие или воздержаться от него. В таких случаях можно говорить о попытках оказания непосредственного (директивного) влияния на собеседников. Кроме этого следует выделить ситуации косвенного воздействия, когда проявления описываемой функции внешне маскируются под сообщения сугубо информировывающего характера, оставляющие иллюзию свободы выбора последующего поведения.

К примеру, А. П. Назаретян [5] приводит слухи об «одном большом одеяле», под которым будто бы скоро заставят вместе спать всех жителей селения, распространявшиеся в разных странах мира при попытках создания в них сельских кооперативных хозяйств. Согласно его комментарию, подобные истории неизменно вызывали не только страх перед новой властью, но и гневное возмущение против ее представителей на местах, грубо попирающих традиционный уклад семейной жизни. Трудно сказать, насаждались ли они сторонними провокаторами или, может быть, самопроизвольно зарождались в крестьянской среде как реакция на непонятные нововведения. Так или иначе, функция влияния в ее косвенной форме обнаруживалась во всей полноте.

Однако не следует полагать, что мотивация распространителей слухов, отличающихся выраженностью данной функции, всегда бывает обусловлена ситуацией конфликта социальных групп или политических клик. При изучении неподтвержденных сведений о техногенных и природных катастрофах обнаруживается, что предупреждения о создавшейся угрозе, как правило, обусловлены мотивами альтруистического характера.

Социальное объединение. Лица, занятые интерпретацией полученного сообщения, обычно воспринимают проблему как общую, требующую совместных усилий по ее преодолению или одинаковых действий по избеганию. Если же прогнозируемые последствия обсуждаемого события внушают осязаемую тревогу, то предпосылки к переживанию единства и взаимоподдержки еще более усиливаются.

Мощным средством объединения индивидов является образ врага. Не случайно так называемые слухи о злодеяниях сопровождают те или иные социальные и даже природные катаклизмы, усиливая «мы-чувство», возникшее перед лицом общей угрозы. Группа «чужаков», наделяемая самыми негативными характеристиками, не может не способствовать сплочению тех, кто столь «контрастно» отличается от них.

О феномене социального объединения посредством слухов следует говорить не только по отношению к кратковременным коммуникативным микрогруппам (двум или нескольким собеседникам, контактирующим в определенный момент), но и применительно к тому или иному сообществу в целом. Исходя из этого аудитория слухов состоит из множества группировок, получающих информацию, совместно обсуждающих ее, принимающих какие-либо решения и затем, как правило, распадающихся для передачи сообщения другим. Поэтому если общая оценка ситуации и готовность действовать определенным образом были сформулированы в какой-либо микрогруппе, то велика вероятность, что они распространятся и далее, пока все сообщество не будет охвачено слухами.

Заметим, что целый ряд функций, выделяемых исследователями неподтвержденных сообщений, не вошел в данный перечень. Одни из них лишены самостоятельного значения и проявляются, скорее, в качестве предпосылки или, напротив, следствия тех, которые представлены выше, другие по своему

психологическому содержанию совпадают с какими-либо из упомянутых. Рассмотрим важнейшие из них.

Так, функция, известная как «информирующая», определяется нами лишь в качестве стимула для когнитивной активности носителей слухов. Если учесть, что под ней обычно подразумевается формирование представлений о реальности [12], то для этого, думается, есть основания. Дело в том, что содержащаяся в сообщении информация не усваивается в готовом виде, а совместно или порознь анализируется индивидами. Приписывать особое значение информированию как импульсу к осмыслению ситуации нецелесообразно.

Что касается *уменьшения неопределенности* и *изменения уровня тревоги* [12], то эти функции проявляются не сами по себе, а только как непосредственные результаты реализации процессов осмысления ситуации, психологической защиты и, возможно, восстановления субъективного контроля. Попытка их выделения в качестве самостоятельных будет означать лишение внутреннего содержания тех функций, продуктами которых они явно являются, что внесет путаницу в понимание проблемы.

Довольно часто слухам приписывают функцию *прогноза* или *антиципации*, предвосхищения социальных событий [3]. Более того, иногда она выделяется как доминирующая. Но что это, как не следствие реализации комплекса

функций — осмысления ситуации, психологической защиты и самоутверждения распространителей сообщений и их интерпретаций? В данном случае мы имеем дело с продуктом переработки информации, а не с самостоятельной функцией.

Функция *регуляции поведения и эмоционального состояния* [9] представлена в предлагаемом перечне под наименованием «восстановление субъективного контроля». При этом «первичный» контроль соотносится с возможностью регулировать последующее поведение, а «вторичный» — с когнитивной обработкой содержимого эмоциональной сферы.

Наконец, иногда выделяемая функция *адаптации* — приспособления индивидов к изменяющейся социальной или природной среде [3], по смыслу является чрезмерно обобщенной. Дело в том, что все прочие функции так или иначе связаны с адаптацией. Более перспективной для изучения потенциала неподтвержденных сведений представляется их дальнейшая детализация. При этом одна из функций — осмысления ситуации — в русле сложившейся психологической традиции изучения слухов определяется в качестве ведущей, а остальные — как взаимосвязанные с ней, но имеющие собственную специфику и относительно самостоятельное значение, проявляющееся в контексте когнитивной переработки информации в кратковременных коммуникативных микрогруппах собеседников.

1. Беттельхейм Б. Люди в концлагере // Психология господства и подчинения: хрестоматия / сост. А. Г. Чернявская. Минск: Харвест, 1998. С. 157–281.
2. Горбатов Д. С. Психология слухов и сплетен: монография. СПб.: Речь, 2012. 233 с.
3. Журавлев А. Л. Массовые явления в больших диффузных группах // Социальная психология: учеб. пособие / отв. ред. А. Л. Журавлев. ИП РАН, ПЕР СЭ, 2002. С. 273–279.
4. Латынов В. В. Слухи: социальные функции и условия появления // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 12–17.
5. Назаретян А. П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи: лекции по социальной и политической психологии. СПб.: Питер, 2003. 192 с.
6. Ольшанский Д. В. Политический PR. СПб.: Питер, 2003. 544 с.
7. Allport F. H., Lepkin M. Wartime rumors of waste and special privilege: Why some people believe them // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1945. Vol. 40, № 1. P. 3–36.
8. Allport G. W., Postman L. The basic of psychology of rumor. N.Y.: Academy of Sciences, 1945. S. II. Vol. 8. P. 49–58.
9. Allport G. W., Postman L. J. The psychology of rumor. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston. 1947. 247 p.
10. Bartholomew R. E., Victor J. S. A social psychological theory of collective anxiety attacks: The «mad gasser» reexamined // The Sociological Quarterly. 2004. Vol. 45, № 2. P. 229–248.
11. Bordia P., DiFonzo N. Psychological motivations in rumor spread // Rumor mills: The social impact of rumor and legend / ed. by G. A. Fine, C. Heath & V. Champion-Vincent. Williamstown: Aldine Press, 2004. P. 87–101.
12. DiFonzo N., Bordia P. Rumor psychology: Social and organizational approaches. Washington, DC: APA, 2007. 292 p.
13. Festinger L., Cartwright D., Barber K., etc. A study of a rumor: Its origin and spread // Human Relations. 1948. № 1. P. 464–486.
14. Knapp R. H. A psychology of rumor // The Public Opinion Quarterly. 1944. Vol. 8, № 1. P. 22–37.
15. Rosnow R. L. Inside rumor a personal journey // American Psychologist. 1991. Vol. 46, № 5. P. 484–496.
16. Shibutani T. Improvised news: A sociological study of rumor. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1966. 162 p.
17. Smith A. L., Jr. Life in wartime Germany: Colonel Ohlendorf's opinion service // Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36, № 1. P. 1–7.
18. Walker C. J. Perceived control in wish and dread rumors / Poster presented at the Eastern Psychological Association Meeting, Washington, DC., 1996. 27 p.

References

1. Bettelheim B. Lyudi v kontslagere [People in the concentration camp]. *Psikhologiya gospodstva i podchineniya: khrestomatiya* [Psychology of domination and subordination: chrestomathy]. Chernyavskaya, A. G. (ed.). Минск: Kharvest Publ., 1998. pp. 157–281 (in Russian).

2. *Gorbatov D. S.* Psikhologiya slukhov i spleten [Psychology of rumors and gossip]. St. Petersburg: Rech Publ., 2012. 233 p. (In Russian).
3. *Zhuravlev A. L. (ed.)*. Massovye yavleniya v bolshikh diffuznykh gruppakh [Mass phenomena in large diffuse groups]. Sotsialnaya psikhologiya — Social Psychology. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2002. pp. 273–279 (in Russian).
4. *Latynov V. V.* Slukhi: sotsialnye funktsii i usloviya povedeniya [Rumors: social functions and conditions of behavior]. Sotsiologicheskiye issledovaniya — Sociological Studies, 1995, no. 1. pp. 12–17 (in Russian).
5. *Nazaretyan A. P.* Agressivnaya tolpa, massovaya panika, slukhi: lektsii po sotsialnoy i politicheskoy psikhologii [Aggressive crowd, mass panic, rumors: lectures on social and political psychology]. St. Petersburg: Piter Publ., 2003. 192 p. (In Russian).
6. *Olshanskiy D. V.* Politicheskiy PR [Political PR]. St. Petersburg: Piter Publ., 2003. 544 p. (In Russian).
7. *Allport F. H., Lepkin M.* Wartime rumors of waste and special privilege: why some people believe them. Journal of Abnormal and Social Psychology, 1945, vol. 40, no 1. pp. 3–36.
8. *Allport G. W., Postman L. J.* The basics of psychology of rumor. N.Y.: Academy of Sciences Publ., 1945, vol. 8 (2). pp. 49–58.
9. *Allport G. W., Postman L. J.* The psychology of rumor. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston Publ., 1947. 247 p.
10. *Bartholomew R. E., Victor J. S.* A social-psychological theory of collective anxiety attacks: The «mad gasser» reexamined. The Sociological Quarterly, 2004, vol. 45, no. 2. pp. 229–248.
11. *Bordia P., DiFonzo N.* Psychological motivations in rumor spread. Rumor mills: the social impact of rumor and legend. Fine G. A., Heath C., Campion-Vincent V. (eds.). Williamstown: Aldine Press Publ., 2004. pp. 87–101.
12. *DiFonzo N., Bordia P.* Rumor psychology: social and organizational approaches. Washington, DC: APA Publ., 2007. 292 p.
13. *Festinger L., Cartwright D., Barber K., Fleischl J., Gottsdanker J., Keysen A., Leavitt G.* A study of a rumor: its origin and spread. Human Relations, 1948, no. 1. pp. 464–486.
14. *Knapp R. H.* A psychology of rumor. The Public Opinion Quarterly, 1944, vol. 8, no. 1. pp. 22–37.
15. *Rosnow R. L.* Inside rumor: a personal journey. American Psychologist, 1991, vol. 46, no 5. pp. 484–496.
16. *Shibutani T.* Improvised news: a sociological study of rumor. Indianapolis: Bobbs-Merrill Publ., 1966. 162 p.
17. *Arthur L. Smith Jr.* Life in wartime Germany: Colonel Ohlendorf's opinion service. The Public Opinion Quarterly, 1972, vol. 36, no. 1. pp. 1–7.
18. *Walker C. J.* Perceived control in wish and dread rumors. Poster presented at the Eastern Psychological Association Meeting. Washington, DC., 1996. 27 p.